

ГОЛУБОЙ ЭКРАН: СВЕТ И ТЕНИ

На июньском Пленуме ЦК КПСС серьезное внимание было уделено телевидению — одному из самых массовых средств коммунистического воспитания. 24 августа «Литературная газета» опубликовала статью В. Максимовой «Семь вечеров», посвященную вопросам телеискусства. В редакцию пришло много откликов, писем и статей по проблемам телевидения. Этим же вопросам были посвящены и материалы, опубликованные в одном из последних номеров газеты «Советская культура».

Публикуя сегодня в продолжение дискуссии статью народного артиста СССР Игоря Ильинского, мы призываем включиться в обсуждение новых авторов. Ждем писем о работе читательских телестудий. Ждем выступлений работников телевидения. Ждем обязательных откликов.

В ДЕНЬ, когда вспыхнул первый голубой экран телевизора, родился новый вид искусства. Однако вряд ли кто-нибудь из нас понимал тогда со всей отчетливостью, каким оно должно быть, чем должно отличаться от своих собратьев, от театра и кино.

Прошли годы. И телевидение стало могучим средством информации, воспитания, учебы, агитации, просвещения, увлекательного отдыха... На его необъятной палитре засверкали краски кинематографа, театра, музыки, спортивного состязания и молниеносной газеты. Оно связало нас с другими городами, странами, потом — с космосом!

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР

Стало обучать иностранным языкам, открывать свои университеты культуры. За все бралось. И это было правильно — такая уж сила досталась ему. Сила огромная. Справедливы слова Л. Ф. Ильичева, сказанные на Пленуме ЦК КПСС: «Советское телевидение с его многомиллионной аудиторией превращается в мощное орудие политического и идейно-эстетического воспитания народа, пропаганды коммунистического образа жизни».

И мы, зрители голубого экрана, эти годы не стояли на месте. Сформировались в миллионы квалифицированных и требовательных ценителей. А сколько людей стали непосредственными участниками телевидения! И не только писатели, музыканты, мы, актеры, тележурналисты, нет — тысячи рабочих, колхозников, студентов и школьников. Не сообщали ли создаем мы телеискусство?

Мы придиричивы и требовательны к нему, голубому телеэкрану. Вот почему телевидению постоянно сопутствуют горячие и острые дискуссии. Я не раз принимал в них участие и сегодня взялся за перо для того, чтобы продолжить разговор, поднятый недавно в «Литературной газете» В. Максимовой, чтобы поддержать те хорошие поиски, которые ведутся в этой области, а с другой стороны, — и поспорить, кое-что отвергнуть. Но мне очень хотелось бы, чтобы мои мысли прозвучали не в упрек работникам телевидения, а в помощь. Я намеренно оставил в стороне передачи публицистического, пропагандистского характера, передачи-репортажи с заводов или посвященные деревне. Это совершенно особая, большая и чрезвычайно важная область, которую, я надеюсь, газета еще затронет в ходе обсуждения. Я актер, меня особенно волнуют проблемы нашей профессии в телеискусстве.

Почему же все-таки для меня как зрителя (здесь я полностью солидарен с автором предыдущей статьи) самое увлекательное и бесспорное в телевидении — его хроникальные передачи, репортажи, дающие нам редчайшую возможность в миг наблюдать исторические события, путешествовать по странам, смотреть интереснейшие спортивные состязания?

Прилет космонавтов. Я вижу Валентину Терешкову и Валерия Быковского, выходящих из самолета, вступающих на алую дорожку почета. Я благодарен телевизионной камере, позволившей мне пережить минуты высокой радости и волнения. И главное — взглянуть в лица космонавтов, заметить их такое понятное смущение, радость встречи, читающиеся в каждом жесте волю, достоинство.

Когда я вижу Валерия Брумеля, готовящегося к «космическим» прыжкам, я словно попадаю в смежную интереснейшую лабораторию мастерства и вдруг неожиданно открываю для себя, как мощная легкость его полета оборачивается застенчивостью приземления, когда ему предлагают сказать несколько слов в микрофон. Я вглядываюсь в лицо его американского соперника, прыгуна-негра, и стараюсь по-

нять его духовный мир... Эти наблюдения становятся для меня поучительной школой жизни. И я думаю: если все это так интересно, разнообразно, правдиво в хронике, в картинах жизни, развернувшихся на телеэкране, то насколько подобным по силе восприятия должно быть и искусство, совмещенное в телевизионном зрелище с живой жизнью.

М ЕЖДУ тем именно здесь телевидение чаще всего «ссорится» со зрителями.

Можем ли мы сказать, что московские театры представлены на телеэкранах самыми интересными своими работами? Можем ли утверждать, что Телевизионный театр стал не обыкновенной пересылочной трансляционной площадкой, а новым художественным явлением?

Разве не становится зачастую для актера участие в телевизионной постановке синонимом сумбурной, лихорадочной и крайне поверхностной работы в несуетно короткие сроки, в кое-как, наспех сбитых декорациях, где неискусная тень от бутафорской яблоневой ветки на лице актера должна передавать второй, якобы существующий план?

За редкими исключениями и драматургический материал, предлагаемый актеру на телевидении, — явно средних литературных достоинств. Прочтите сами список премьер телевизионных постановок за минувший год. Их совсем немало — 57! Но вы не встретите здесь имен наших ведущих драматургов. Они еще не нашли дороги в телевидение.

Вопрос об оригинальной телевизионной драматургии далек от решения. Когда же телевидение становится простым передатчиком произведений искусства, то и здесь зрителей зачастую подстерегает разочарование. На экране оживают уже сошедшие с театральных подмостков, «отработанные» спектакли, забытые, средние фильмы, которые вовсе не обязательно показывать вновь. Ведь демонстрация спектакля или кинокартины по телевидению равносильна его новой широчайшей премьере. Этой особенностью надо уметь, чрезвычайно тонко управлять.

Покажут на телеэкране после долгого перерыва «Незабываемые киноленты»: «Депутат Балтики», «Мы из Кронштадта», «Чапаев», и новое поколение приобщается к нашей великой киноклассике.

Но вот я раскрываю телевизионную программу и встречаю: «Капитан первого ранга», «Исправленному верить», «Осторожно, бабушка!» — ленты забываемые. И по заслугам. Их редко встретишь в кинотеатрах повторного фильма, и только на телеэкране тянется унылой чредой поток их повторных «премьер».

Так ли должно входить искусство на голубые экраны телевизоров? Нет! — говорят дружно телезрители, газеты, сами работники искусства. А вот для изменения положения делаем мы еще мало. Мало думаем, а, собственно, каким должно быть искусство на телевизионном экране?

Телевидение — самое молодое из искусств. И оно должно искать свои собственные, только ему присущие приемы и методы подачи материала, приемы и средства выражения.

Актер, выступающий перед камерой телевизора, работает как бы не на зрительный зал, а на одного зрителя. И в то же время его искусство видят миллионы. Никакой театр, никакой кинематограф не способны создать такую тесную связь со своими зрителями. Актер находится на самом первом из первых планов. Он оказывается буквально рядом со зрителем, беседует с ним, как с другом, которого пришел навестить.

(Окончание на 3-й стр.)

10 SEP 1963

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
Г. МОСКВА

Начало на (стр.)
 Н. С. Михалков, режиссер А. С. Сухов, много времени и сил отдающий работе над телевизионными спектаклями, рассказывает, что, перенося свою постановку «Вас вызывает Таймыр» на телеэкран, он репетиции проводил не на сцене, а в обыкновенной квартире. Это создало особенную обстановку и атмосферу, совсем не похожую на театральную, и благотворно сказалось на спектакле.

В этой особой близости к зрителю и таится неповторимое своеобразие телевидения. Кстати, — об этом хочется сказать особо — существующий у нас в Москве Телетеатр, с моей точки зрения, является характерным примером непонимания этой специфики. Зал этого театра наполняется зрителями, которым показывают обычное театральное представление, подчиненное законам обычной сцены. А в то же время идет телевизионная трансляция, адресованная миллионам зрителей, сидящих дома у экрана.

Что же, люди, организовавшие этот специальный телевизионный театр, предполагают, что телеспектакль ничем не отличается от обычного? Какое заблуждение! С таким же успехом можно приглашать зрителей на кино съемки, превращая их — по совместительству с будущим фильмом — в спектакль.

Не продуман до сих пор как следует и метод передачи по телевизору концертных программ. Не знаю, как других, а меня очень раздражает, когда, углубившись в слушание сонаты Бетховена или концерта для фортепьяно с оркестром Чайковского, я вдруг вижу на экране монтажные перебивки: бегающие по клавиатуре пальцы пианиста, ряды зрителей, палочку дирижера или общий вид Большого зала консерватории.

Это — примитивное решение, продиктованное желанием «оживить» передачу, которая ни в каком «оживлении» не нуждается.

Нужно еще подумать, поискать, серьезно поработать над тем, чтобы найти телевизионное решение спектаклю, достигнуть максимальной эмоциональной выразительности телевизионного концерта.

Нужно?

ГОЛУБОЙ ЭКРАН: СВЕТ И ТЕНИ

МОЖЕТ быть, остановимся на тех телевизионных формах, которые уже сложились, стали привычными? Не будем искать нового, пробовать, пускаться в поиски, которые еще неизвестно куда приведут?

Это не мои предложения. Их словно бы делает мне время от времени сам телеэкран. Появились десятки устоявшихся рубрик, десятки более или менее однотипных передач: двадцатиминутки, тридцатиминутки и т. д. Их не в состоянии запомнить ни зритель, ни — иногда мне так кажется — даже сами организаторы. Зритель знает и «Музыкальный киоск», и «На огонек», и телевизионный журнал «Искусство», и «КВН», и «Телевизионные новости», и «Телевизионный клуб кинопутешествий» — рубрики, которые обладают собственной интересной индивидуальностью. Но ведь рядом с ними существует немало серийных передач, которым изобретены лишь названия (скажем, «Музыкальный альбом» или загадочное — «На стадионах и спортивных площадках»), которые никак не «придуманы».

Нынешний телевизионный экран порой напоминает пестрый калейдоскоп. Но сумбурность и пестрота вовсе не передают широту жизни. Давайте укрупним передачи. Освободим место для нового. Избавимся от лишних рубрик — в том случае, конечно, если они не несут открытий жизни, открытий искусства.

Каждый телевизионный день нуждается с моей точки зрения, в стройной, гармонической композиции. Он должен быть срежиссирован как единое целое. Между тем откроем телевизионную программу нынешней недели. Будущий воскресный день. Здесь есть две передачи для детей. Даже детский телевизионный спектакль «Кондит и Швамброния», первая серия. Есть и молодежная передача «В эфире — Молодость», и — для любителей — «На стадионах и спортивных площадках» (наверное, опять законспирированный футбольный ре-

портаж). А для взрослых? Да по существу ничего, если не считать далеко не новый для зрителей фильм «Королевские дети». И это в воскресенье!

Сильно вредит сегодняшнему телевидению и трафаретность, стереотипность целого ряда передач. На экране появляется все больше общих мест и общих... штампов. Был очень приятен поначалу поставленный в студии круглый стол и непринужденный разговор за ним. А теперь это штампы, застывшая коробящая неестественностью... Была в новинку броская, острая репортерская манера выпусков теленовостей, телевизионных интервью Юрия Фокина. А сейчас все чаще проскальзывает в них повторение, заученность «фигур». Значит, надо искать новый поворот, новую грань непринужденности, естественности.

Сознаю, что это нелегкая задача. Ее не решишь такими «непосредственными» обращениями к диктору: «Скажите, Игорь...», «Будьте любезны, Валечка...». Свобода поведения не должна оборачиваться развязностью.

Сколько еще в нашем телевидении мнимой, деланной живописи. Все мы, скажем, знакомы с комментаторским почерком Вадима Синяковского и Николая Озерова. И вдруг несколько голосов сливаются в «оживленный диалог» комментаторов. Действительно оживленный? Да нет, скучный, заполненный тягостными паузами, обменом незначительнейшими репликами...

Все это штрихи одной важнейшей проблемы — овладения высокой телевизионной культурой. Она должна проявляться во всем, в каждом телевизионном мгновении. Ей одинаково претят и серость передач, и грубость декораций, и наивность горе-эффектов, вроде перебивок меж-

ду театральными актами: внешних потоков, вырезанных из случайных фильмов...

Телевизионный зритель очень вырос, и у него уже сформировалось серьезное отношение к телезрелищу. И такое отношение надобно оправдывать.

НЕДАВНО вышла в свет книга Вл. Сапсак «Телевидение и мы» — пока, кажется, единственная работа о художественном телевидении. Меня привлекла одна мысль критика. «Какими же качествами, — писал Вл. Сапсак, — должен обладать человек, поднимающийся на эту высочайшую трибуну? Каким особым талантом должен он для этого обладать? Есть такой талант. Чтобы назвать его, употреблю выражение Герцена: «Талант искренности».

Искренность необходима и театральному искусству, и кино. Но в телевидении она приобретает совершенно особое значение. Малейшая недодуманность в режиссуре, неестественность актерской игры, искусственность ситуаций пьесы заметны в телевизоре неизмеримо яснее, чем в театре и даже в кино. Здесь особенно остро воспринимаются недостатки посредственных пьес с их стандартными сюжетами и прямолинейными драматургическими ходами. И в театре это — зрелище унылое, а в телевизоре оно становится просто нестерпимым.

Крупноплановость телевизионного театра требует такой же крупноплановости телевизионной драматургии. Это должно быть искусство больших идей, искусство значительных поступков, искусство глубокой мысли. А с другой стороны, — точнейшей и тончайшей выразительности.

Для телевидения нужны обязательно своя, «телевизионная» условность мизансцен и приемы — не эстрадные, плакатные или специфически театральные, а психологически более углубленные, более интимные, очищенные от всякой — как театральной, так и кинематографической — условности. Еще вернее сказать, что для телевидения должна быть найдена своя условность.

Нужно немедленно подумать о специальных кадрах телережиссеров, телеоператоров, телехудожников. На это нельзя жалеть ни времени, ни средств. Ведь телевидение со временем станет самым важным видом искусства.

ТЕЛЕИСКУССТВО — мы все это ясно сознаем — переживает еще трудную пору становления. Хотелось бы, чтобы прошла эта пора быстрее, чтобы поиски были плодотворнее. Хотелось бы увидеть телевизионную постановку, которая была бы равна лучшему фильму или театральному спектаклю. Мы, зрители и деятели искусства, готовы всемерно помочь в этом.